

А. А.
БЕСТУЖЕВ-
МАРЛИНСКИЙ

Сочинения

Александр Александрович Бестужев-Марлинский

Вечер на Кавказских водах в 1824 году

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647215
Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Повести;: Худож. лит.; М.: 1981*

Аннотация

«— Вот Эльбрус, — сказал мне казак-извозчик, указывая плетью налево, когда приближался я к Кисловодску; и в самом деле, Кавказ, дотоле задернутый завесой туманов, открылся передо мною во всей дикой красоте, в грозном своем величии.

Сначала трудно было распознать снега его с грядою белых облаков, на нем лежащих; но вдруг дунул ветер — тучи сдвинулись, склубились и полетели, расторгаясь о зубчатые верхи...»

Содержание

* * *	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Вечер на Кавказских водах в 1824 году ¹

*– Зачем от нас могил ужасный клад
Видения и страхи сторожат?*

* * *

– Вот Эльбрус, – сказал мне казак-извозчик, указывая плетью налево, когда приближался я к Кисловодску; и в самом деле, Кавказ, дотоле задернутый завесою туманов, открылся передо мною во всей дикой красоте, в грозном своем величии.

Сначала трудно было распознать снега его с грядою белых облаков, на нем лежащих; но вдруг дунул ветер – тучи сдвинулись, склубились и полетели, расторгаясь о зубчатые верхи. Солнце западало. Розовый, неизъяснимо прелестный румянец таял на голубоватых и словно прозрачных льдах горного гребня, и мимолетные пары, расцвеченные всеми оттенками радуги, оживляя их игрою теней, придавали еще более очаровательности картине. Я не мог наглядеться, не мог налюбоваться Кавказом; я душой понял тогда, что горы есть поэзия природы. Чувства мои стали чище, думы яснее. Я мог словами поэта сказать тогда:

Там горести, там страсти яд немеет, Там юностью невянущею веет, Забвение, целительной рукой, На сердце льет уладу и покой; Душа слита с возвышенной природой, И дышит грудь бессмертною свободой!

Но заря догорала. Одни за другими гасли вершины гор; только двуглавый Эльборус сиял двумя звездами над океаном туч... наконец и он утонул во мраке. Изредка перепадали крупные капли дождя; ветер вздувал по степи пыльные столбы, и телега моя неслась будто наперегонку с ними.

– Далеко ли? – спросил я извозчика.

– Полверсты, – отвечал он.

В тот же миг сверкнула молния и озарила передо мной новую станицу линейных казаков² и дальше дома и домики для приезжих на воды. Спешить мне было не для чего, и я решился провести в Кисловодске день и другой, чтобы удовлетворить любопытству: посмотреть общество и увидаться с знакомыми.

Зоревой барабан гремел и раздавался в окрестности, когда вошел я в залу гостиницы, где за ужиным столом нашел двух добрых моих приятелей. Поменявшись новостями и перебрав по зернышку старину, мне досужнее стало прислушиваться к общему разговору. Ужин кончился, но человек десять романтиков насчет покорности к предписаниям эскулапа не думали покидать стола, и по числу опустошенных бутылок я заключил, что кавказская вода имела для них чудесное свойство – возбуждать жажду к вину.

– Ну что наши московские красавицы? – сказал молодой человек в венгерке, значительно поглядывая на капитана Нижегородского драгунского полка³ и капитана гвардии, между которыми сидел он. Приятель мой, склонявший мне имена и качества каждого, шеп-

² Линейные казаки – казаки, поселенные на Кавказской линии (по рекам Терек и Кубань).

³ Нижегородский драгунский полк – один из старейших русских полков, сформирован в 1707 г. С конца XVIII в. был направлен на Кубань для охраны Кавказской линии.

нул, что это матушкин сынок, приехавший сюда из белокаменной лечиться от застоя в карманах.

– Милы, как всегда, – отвечал гвардеец, равнодушно покачиваясь на стуле.

– Скажите – божественны! – с жаром воскликнул усатый драгунский капитан. – Можно ли так сухо говорить о красавицах? Эй, мальчик, – шампанского!

– Позвольте сказать мне по-дружески, любезный капитан, – возразил гвардеец, – вам не мудрено восхищаться ими, после долгих лет, проведенных на бессменной страже или в перестрелках и наездах. Видя женщин, как луну, только на телескопическом расстоянии, всякий примет первую образованную даму, с которою встретится он лицом к лицу, за идеал совершенства; но причина этому не в ней, а в нем. Вы горите, сами и воображаете, что они сияют.

– Тут есть много истины, капитан, но между много и все – целое море. Я не говорю о кавказских татарках, из которых самая красивейшая, по рабским привычкам своим, достойна только закуривать трубки, ни о грузинках, в которых одна глупость может сравниться с красотой. Черкешенки вовсе иное дело, – да мы осуждены любоваться ими как недоступными вершинами Кавказа и видим их едва ль не реже солнечного затмения. Но я сам жил и служил в столицах; видел свет не в подворотню, и образованная женщина хотя здесь для меня и редкость, но никогда не может быть диковинкою.

– Не по хорошу мил, а по милу хорош, – сказал толстый рязанский помещик, улыбаясь, как воображал он, очень лукаво.

– Эта пословица мне не соседка, – отвечал усач. – Я говорю беспристрастно и утверждаю, что на этот раз обе московские красавицы милее здешних петербургских умниц в блузах, с вечными рассказами о погоде и поправками адрес-календаря, помещиц в капотах, которые всякого мужчину принимают, кажется, за амбар для складки отчетов своих о вине, и льне, и ячмене, о садоводстве и скотоводстве, в котором не мудрено им успеть, обращаясь часто со своими супругами! Господа! Здоровье двух прекрасных москочок!

Видя, что рыцарь разгорячился, собеседники, уважая добрый его нрав, не сочли за благо подстрекать его еще более противоречиями. Все напенили бокалы и выпили в лад.

– Здоровье прекрасных посетительниц Кавказских вод, на берегах Москвы расцветших! – воскликнул нежный сотрудник дамского журнала, повторяя по-своему предложенное здоровье.

– Этот же тост, в переводе господина Свирелкина с моего бивачного языка на язык светский: кто не пьет – не товарищ!

(Пьют и чокаются.)

– Между нами, капитан, – сказал ему гвардеец, – белокурая или черноволосая сестра вам более нравится?

– Этот же самый вопрос я делаю самому себе двадцать четыре раза в сутки и до сих пор не добьюсь я у своего сердца толку: оно уверяет, что и утренняя и вечерняя заря прелестны. В полдень, любуясь нежными, небесными глазами и пленительною томностью лица блондинки, я бы готов был влезть в ее соломою оплетенный стакан, чтобы коснуться розовых губок и потом растаять в кислой воде; но при свечах или при лунном сиянии пронзительные взоры и пылкий румянец брюнетки зажигают меня как гранату, и я рад кинуться на чеченские шашки, чтобы до нее прорубиться.

– Полноте вздыхать, господин адъютант! Чокнемся лучше да выпьем за здоровье прелестного румянца нашей богини.

Адъютант покраснелся и выпил.

– Именным бы указом запретил красавицам, у которых в лице играет румянец, ездить на воды, – сказал чахоточный прокурор, поправляя в ухе хлопчатую бумагу, – они делают больными здоровых и мешают больным выздоравливать.

– Что так строго, господин прокурор? – возразил артиллерийский ремонтёр⁴ обвинителю. – Я уверен, что не любовь, а деловые экстракты причины ваших недугов.

– То есть уксус, который выжимали вы из справок, – прибавил москвич.

– Настоящий *vinaigre de quatre voleurs*!⁵ – надал еще драгунский капитан, недавно проигравший тяжбу и сердитый.

– Вам бы надобно было довольствоваться только запахом, а вы хотели выпить все до дна.

– Господа! – отвечал прокурор, поглядывая то направо, то налево, в нерешимости, рассердиться ему или принять град насмешек за шутку; наконец он рассчитал, что последнее выгоднее. – Господа! – повторил он, – конечно, мне бы следовало довольствоваться одним запахом, но тогда я не имел чести иметь вас высоким примером скромности – вас, которые так счастливы в любви одним гляденьем.

– Браво! браво! – воскликнули многие голоса сквозь смех. – Здоровье больной юстиции!

И бокалы засверкали донышками.

В это время молодой человек, прекрасной наружности, закутанный шалью, который задумчиво сидел против меня и часто с беспокойством поглядывал на часы, встал и подошел к окну. Выразительно было бледное лицо его, и его впалые черные очи, казалось, хотели пронзить темноту и дальность.

– Облака заволакивают месяц, – сказал он вслух, но более обращаясь к самому себе, чем к обществу, – ветер воет, и дождь крапает в окна... Как-то будет добраться до дому! Когда вихорь разносит пары, то при блеске лунном порою белеет Эльборус, спящий в лоне туч перед грозью.

– Покойной ему ночи, – сказал сосед мой, отставной полковник. – Ты, господин доктор трансцендентальной философии⁶, наверно, не будешь встречать так равнодушно бурю, как он в грозном колпаке своем.

– Конечно, нет, любезный дядюшка, – отвечал молодой человек, – потому что я не камень. Кавказу полгоря носить ледяной шлем на гранитном своем черепе, – у него вся адская кухня греет внутренности, и, может статься, природа обложила голову его льдом нарочно для умерения внутренней горячки с землетрясениями; но если бы вздумалось повторить такой опыт надо мною даже и в припадке безумия, – я бы, конечно, отправился в Елисейские поля. Выкупаться в туманах, не только быть промочену дождем, – значит испортить весь курс лечения, а мне, право, не хочется начинать его в третий раз.

Сказав это, молодой человек учтиво поклонился собранию, завернулся в плащ и вышел.

– Вот нынешние молодчики! – сказал полковник, провожая его глазами. – Не понимаю, как можно в двадцать пять лет так нежить себя! Прекрасный малый, а пречудака племянник мой. Порою бегают по целым часам нараспашку или, как угорь, вьется по утренней росе; но когда ему вообразится, что он болен, то чего не накутает на себя для прогулки в самый полдень! Треух на голову, калоши на следки, фланель для поддержания испарений, замшу от сквозного ветра, жилет для приличия, сюртук для красоты, шинель для всякого случая сверху, – а сверх шинели – всю природу. Недаром один шутник назвал его египетскою мумиею, набальзамированную романтизмом и испещренною иероглифами странностей, которых не разберет, думаю, ни сам старый черт, не только Шампольон⁷ – младший!

⁴ Ремонтёр – офицер, закупающий лошадей для полка

⁵ Уксус из четырех воров (фр.)

⁶ ...трансцендентальной философии... – идеалистического учения о потустороннем мире, недоступном познанию.

⁷ Шампольон Жан-Франсуа Младший (1790—1832) – французский ученый, положивший начало расшифровке египет-

Простудиться!! Человеку в двадцать пять лет и гренадерских статей простудиться! Я бы заставил его сломать похода два-три зимой, на холодной воде, вприкуску с гнилыми сухарями. Сегодня по пояс в снегу, завтра по колено в грязи и потом, промокши до самого сердца, просушиваться под картечным огнем неприятельским. В цепи или в разъезде вместо отдыха; то преследуя побежденных, то утекая разбитый и, в довершение удовольствий, нося более ран на теле, чем петель на мундире!.. Там забыл бы он, за недосугом, и настоящие болезни, не то что воображаемые.

— Впрочем, кто из нас, — сказал на это гвардейский капитан, чистя перышком зубы, — кто из нас отказывался, после дымных биваков, попить в богатом замке, покружиться усталыми от похода ногами с милыми чужеземками и заснуть на мягком пуховике? Наслаждайся, покуда можно, — есть девиз русского; но когда приходит время лишений, нужды и опасностей, он так же мало заботится и жалеет о выгодах жизни, как о завтрашнем дне, и под мокрою буркою, в грязи засыпает не хуже праведника, поужинав горстью недоваренного ячменя, устав от боя и похода!

— И то правда! — отвечал полковник, перебирая по четкам памяти все подобное, изведенное собственным опытом.

— Племянник ваш, может быть, имеет другие причины опасения возвращаться домой так поздно, — молвил человек небольшого роста, в зеленом сюртуке, коего таинственная наружность весьма походила на сосуд, в который царь Соломон запечатал множество духов. — Он, приехав позже всех на воды, принужден был напять домик за кладбищем.

— Вот это мило! — возразил полковник. — Молодой человек девятнадцатого столетия и, в придачу того, магистр Дерптского университета станет бояться пройти чрез кладбище! Да нынче дамы нередко назначают там свидания.

— Неужели вы думаете, — насмешливо присовокупил гвардеец, — что племянник полковника боится наступить на ногу какому-нибудь заносчивому покойнику и тот потребует от него благородного удовлетворения?

— Не шутите над мертвыми, капитан, — произнес торжественным голосом человек в зеленом сюртуке. — В природе есть вещи страшные, неразгаданные! Племянник ваш еще не утешился о потере друга, которого схоронил он здесь в прошлом году.

— Военный или рябчик был друг его? — небрежно спросил драгун.

— Никто наверно не знал ни его звания, ни его отчизны, хотя в паспорте он назван был венгерским дворянином. Сказывают, он был странное и непонятное существо. Выговор ни на каком языке не изменял ему, — он на всех европейских говорил как нельзя чище. Жил весьма скромно и между тем сыпал золото бедным. Одевался просто, но одни солитеры⁸ его перстней стоили десятков тысяч. Вообще он был нелюдим и молчалив, ни с кем не сближаясь и никому не кланяясь. Однако же некоторые знатные особы говорили всегда с ним и о нем с величайшим уважением. Одним словом, — продолжал таинственный человек, понизив голос, — многие считали его одним из двенадцати кадожей.

— А что это за зверь? — спросил толстый помещик, который, скучая молчанием, как ловчий, стоял настороже с борзыми вопросами, ожидая по себе предмета; но, видя, что ожидания его напрасны, спустил их со смычки в чужую угонку.

— Кадожи? — отвечал сфинкс, опустив нос свой в стакан, как пьющая синица. — Кадожи, как говорят, суть главные блюстители масонских лож⁹, из которых, как, я думаю, известно,

ской иероглифической письменности.

⁸ Солитер (фр.) — крупный бриллиант.

⁹ ...масонских лож... — Масонство — религиозно-этическое учение, возникшее в начале XVIII в. в Англии и затем распространившееся в других странах. Организационная форма масонства была заимствована из обихода средневековых цеховых объединений каменщиков (отсюда название: масоны, франк-масоны — «вольные каменщики»). Будущие декабристы использовали масонские организации в целях конспирации. В 1822 г. они были запрещены правительством.

шотландская считается за старшую. Не будучи великими магистрами, они важнее всех магистров, потому что лишь им открыта главная общая цель братства. Они могут находиться во всех степенях, но всегда скрытно, всегда никем не знаемы и, сохраняя в руках своих главные средства, путешествуют по свету для наблюдений, для дела и успехов вольных каменщиков.

– Так бы вы и сказали, – примолвил рязанский помещик. – Попросту сказать, он был атеист, то есть фармазон и отчасти волтерианец. Сосед мой прошлого году наслал мне от Макарья¹⁰ целую кипу книг об их вере; поклоняются моське, батюшка!

Никто не мог удержаться от смеху, слыша такое определение масонства. Наконец затихли и отголоски этого выстрела веселости.

– Но каким же образом вы спроведали о кадожах? – подозрительно спросил капитан гвардии.

Сфинкс в зеленом сюртуке побледнел, боязливо взглянул на прокурора, потом на дверь, которая скрипела и не открывалась, потом покраснел он, потом щелкнул по серебряной табакерке указательным перстом, отворил ее, нюхнул, что называется, вслух и, ободрившись, отвечал;

– Вы можете быть уверены, капитан, что если б я когда-нибудь принадлежал к обществу масонов, то, конечно бы, не стал рассказывать об их распорядках. Впрочем, я уже известил вас, что и сами масоны не имеют о кадожах верного понятия, и ежели венгерца считали одним из них, то это по одним догадкам, по соображениям и вероятностям. Таинственность его речей, скрытность поступков, его обширный ум, его богатство и связи, уважение к нему людей почетных – вот что служило к тому поводом.

– Удивительная архитектура догадок, – возразил насмешливо гвардеец, – точь-в-точь пирамида, у которой острие служит основанием. Каким же образом эти странствующие привидения, эти всемирные блюстители узнают друг друга внове?

– Говорят, – тихо отвечал рассказчик, – впрочем, я уверять не могу и отрицать не смею, что между ними главным опознавательным знаком служит особого вида кольцо.

– Видно, эти осторожные по превосходству люди хранят в решетке свои таинства, – заметил гвардеец, – когда они доступны всякому встречному и поперечному.

– Всякому? Нет, капитан! – возразил сфинкс, несколько обидясь. – Немногим, очень немногим дается дар проникать в глубочайшие тайны, в сокровеннейшие изгибы души человеческой, и по нескольким точкам начертывать целые картины.

– Перед вами, перед вами все эти достоинства! – нетерпеливо вскричал усатый кавалерист. – Но скажите, ради бога, какое сношение имеет кладбище с племянником полковника?

– Кладбище – дорога на тот свет, – отвечал человек, у которого голова, как покинутая башня, населена была привидениями, между тем как вид его доказывал, что он чувствует уже свою важность, возбуждив любопытство.

– И в рай, – произнес сомнительно чахоточный прокурор, у которого сердце пищало, как орех в клещах, при мысли о смерти.

– И в ад, – прибавил сосед мой, полковник, брякнув стаканом по столу, будто вызывая всех бесов в доказательство, что ему нечего их трусить.

– Да, и в ад! – повторил с глубоким вздохом прокурор, опуская от губ нетронутую рюмку: ему показалось, будто вино пахнет серою.

– Продолжайте, почтеннейший! – сказал рассказчику любопытный артиллерист. – Зачем же этот венгерец приехал на воды?

– Зачем мы все здесь? – отвечал тот. – Сделайте подобный вопрос каждому из нас, и все скажут: лечиться, но, кроме этого, есть побочные или главные цели у многих. Одни приез-

¹⁰ ...от Макарья... – Имеется в виду знаменитая русская ярмарка на р. Ушке. В 1817 г. она была перенесена в Нижний Новгород, но сохранила прежнее название.

жают рассеяться любовными связями; другие – остепениться женитьбой; третьи – поправить картами несправедливость фортуны; иные, чтоб не упустить из виду умирающего богача-родственника; очень многие для удовольствия про...

– Ради самого Пифагора, избавьте нас от подобных выкладок! Считите, будто мы знаем все, что можете высказать впредь на этот случай, и поскорее к делу! – воскликнул гвардейский капитан.

Таинственный продолжал так:

– Теперь, милостивые государи, надобно вам объяснить, что в первых веках христианства греческие купцы из Византии, привлекаемые знатными выгодами, презирали тысячи опасностей от худых и пустынных дорог и варварских нравов, заезжали сюда или проезжали чрез этот край из Персии, чтобы менять восточные товары на помориях Каспия и Черного моря и потом торговать с славянами за Доном или по Днепру, и возвращались потом с драгоценными мехами домой как могли. Караван одного из них с несметными богатствами в жемчуге и золоте, в парчах и цветных каменьях, был настигнут и окружен свирепыми горцами, ночью, поблизости этих ключей. Видя неизбежную гибель, купец успел зарыть все драгоценнейшее в землю, чтобы скрыть от разбойников и потомства обожаемое им золото, для которого не щадил он ни поту, ни крови и утратил жизнь и душу. Все это, как водилось в те времена, сопровождаемо было чарами и заклятиями. Караваны тогда не ходили без прикрытия; отчаянная стража дралась насмерть и почти вся была изрублена варварами. Сам хозяин лег мертвый на сокрытые свои сокровища, как будто желая охранять их и по кончине. Один только раненый вожатый верблюда был увлечен в плен, в горы, провел горькие годы в жестоком невольничестве и, перепроданный несколько раз, бежал к Черному морю и достиг до своего отечества. Известие обо всем этом, от него, чрез многие руки и многие столетия перешло во время крестовых походов в руки тамплиеров¹¹, с верными подробностями. Не знаю, старались ли они извлечь из недр земли эти сокровища и какова была удача попыток, если старались; только венгерец прибыл сюда, как полагали, с тайным поручением ложиться – поверить на месте предания и, если можно, вырыть из земли под вековым прахом погребенный клад.

– Клад! – умильно воскликнул помещик, у которого охота к охоте спровадила в заклад почти все имение.

– Клад! – произнес, облизываясь и потирая руки, прокурор, – об этом следовало уведомить местное начальство.

– Особенно если там найдутся старинные монеты, оружие, утвари, чудные украшения или древние идолы, – примолвил в первый раз какой-то археолог с готическим носом, у которого слова были, кажется, так же редки, как медали с изображением царей Кавказа.

– Со всем тем, – продолжал таинственный человек, – венгерец, по-видимому, не имел охоты делиться с местным начальством, ни угождать господам искателям древностей, потому что меры его были чрезвычайно скрытны и осторожны. Один только чудный случай и странное стечение обстоятельств ненамеренным образом открыли часть его тайн одному из друзей моих, который в прошлом году жил рядом с его комнатою. Он рассказывал про этого непонятного человека много таких вещей, от коих поднялись бы волосы дыбом у самого неверующего вольнодумца.

– Этому трудно быть с моею головою, – сказал толстый помещик, поглаживая по своей лысине и отодвинувшись от стола после этой шутки, как откатывается пушка после выстрела. Однако ж, боясь, чтобы лукавый не отплатил ему за насмешку, он потихоньку перекрестил грудь против третьей пуговицы и снова наострил ухо к рассказу.

¹¹ Тамплиеры (храмовники) – члены духовно-рыцарского ордена, основанного в 1119 г. во время крестовых походов.

Человек в зеленом сюртуке пожал плечами и улыбнулся почти презрительно, что на мимическом языке значило: какая жалкая шутка! стоит ли для нее прерывать занимательное повествование! И он, по кратком молчании, начал вновь:

— По ночам, рассказывал друг мой, венгерец долго и пристально сживал за какими-то книгами и тщательно запирал их в другое время. Потом он то медленными, то быстрыми шагами ходил по своей комнате, то вдруг останавливался на одном месте, как будто окамененный каким видением или мыслью. Порой неясные звуки вырывались из груди его; даже во сне тяжело стонал он, словно совесть его подавлена была каким-нибудь преступлением, и его всегдашняя физиономия, могильная синева его лица, его впалые, почти неподвижные очи, речь прерывистая и рассеянная обличали гораздо более страдания души, чем разрушение телесное. Со всем этим он бывал порой чрезвычайно занимателен: он везде бывал, все видел, все постиг. О всех веках, о всех народах говорил он с достоверностию самовидца и с беспристрастием потомства. Все важные лица последнего столетия были знакомы ему коротко, если не по свету, то по настоящим их характерам. В это время, полковник, сдружился он с племянником вашим. Склонность молодого человека к мечтательности и уединению, его чистый, возвышенный нрав и вместе кроткая, но пылкая душа пленили доверие венгерца. Казалось, он предчувствовал близкий конец свой и спешил передать свои познания и тайны достойному смертному. «Я не доволен чист душою для такого дела», — подслушал однажды друг мой слова венгерца к юноше. Они были неразлучны: вместе на ночных прогулках до самого Подкумка¹², не страшась чеченских хищников, и всегда в местах диких и непосещаемых; вместе за чудными письменами до белой зари; вместе при свете солнца и при мерцании месяца. Чаще всего бродили они на здешнем кладбище, в глухую полночь, с железною тростью и телескопом в руках, то пронзая землю, то углубляясь в небо.

«Скоро, скоро свершится в мире мое странствование, — сказал однажды, прощаясь с молодым своим другом, венгерец, — я уже чувствую на сердце ледяную руку смерти. Но завтра стечение созвездий будет таково точно, как в роковую ночь, поглотившую сокровища греческого гостя. Когда ударит двенадцать, — луна бросит тень от того пригорка прямо по направлению, где скрыто оно, и там, где черта сия сойдется с тенью...» Друг мой не мог расслушать более. Утро застало венгерца на одре кончины...

— Он умер! — вскричал с досадою прокурор, воображая, что клад ускользнул от его химического процесса.

— Дайте ему умереть своею смертью! — гневно возразил артиллерийский ремонтёр. — Итак, на одре кончины, сказали вы?

— Больной был безнадежен: у него лопнула одна из кровеносных жил, и сердце его заливалось, тонуло в крови. С трудом мог он произносить слова, и молодой друг, пораженный ужасом и сожалением, подавлен тоской разлуки вечной, незаменимой, ни на миг не покидал умирающего. От лекарей отказался венгерец, говоря, что не хочет обманывать себя пустыми надеждами, а священника не принял под предлогом различия вер. Настала ночь... и ему стало тяжелее... Смертный час, видимо, близился, — и ужасна казалась кончина умирающему. Тьма зияла перед ним, как вечность, блуждающие зрачки его то искали, то избегали чего-то в пространстве. Каждое дыхание его было вздохом тоски неизъяснимой, и хриплые стенания вырывались из уст. Наконец он дал знак, и все удалились, кроме юного друга его. Сначала разговор их был тих, но постепенно голос больного возникал выше и выше и снова стихал, как замерзающий ключ. Уже ни одной живой души, кроме их, не осталось в домике и все спало в окрестности и вблизи. Только друг мой, движимый любопытством соучастия, сидел у двери общего коридора, прислушиваясь к каждому шороху. В комнате венгерца слышался лишь ропот невнятного разговора, — и вот все притихло, все, кроме последнего дыха-

¹² Подкумок — горная река в окрестностях Кисловодска.

ния отходящего... Но вдруг клик ужаса раздался там: он был пронзителен и страшен; сам друг мой вчуже оцепенел, не постигая тому причины. Слушает... нет, это не обман воображения, – третий, незнакомый голос, голос могильный, голос нездешнего мира произносил там звуки укора, и тяжкие стенания страдальца служили им страшным отголоском.

Все слушали с напряженным вниманием. Полковник, опершись головой об руку, безмолвно следовал за рассказом, поверяя, кажется, слышанное с известным ему прежде... Только дождь, бьющий в окна, прерывал тишину залы.

– Значение слов убегало, однако же, от уха моего приятеля, – продолжал человек в зеленом сюртуке, – испуганного тем более, что он был уверен, как сам в себе, что никто не мог пройти в комнату больного, не быв замечен им сквозь замочную скважину. Дорого бы заплатил он тогда, если б можно было превратить стену, разделяющую их комнаты, в стеклянную. Наконец явственно услышал он страшный, последний стон венгерца, стон души, вырывающейся из тела... И потом долго длилось молчание, и потом шаги двух – не говорю людей, – но существ по комнате... С треском растворились двери, свет фонаря сверкнул в коридоре – и он увидел...

В это самое время быстрый топот ног послышался на лестнице, и дверь залы, сорванная ударом с крючка, раскочилась настежь обеими половинками. Гвардейский герой изменился в лице, артиллерист схватился за стакан, как за талисман против всякого наваждения; драгунский капитан сжал ручку черкесского кинжала, по обычаю всех кавказцев носимого на поясе; чахоточный прокурор обомлел на стуле своем, а толстый барин, с восклицанием: «С нами крестная сила!», так внезапно прикатил свое туловище к столу, что рюмки и стаканы зазвенели друг о друга. Все прочие с робостию, более или менее заметною, устремили глаза на дверь.

Это был, однако же, не иной кто, как племянник полковника. С черного плаща его катились крупные капли дождя; шляпа надвинута была на самые брови, и он, не сняв ее, торопливо вбежал в залу. Мутные глаза его бродили, на бледном лице выражался испуг, речь исчезала на дрожащих губах. Тяжкими и долгими порывами дышал он и наконец бросился, или, лучше сказать, упал, в кресла, беспокойно озираясь кругом, будто боясь преследования. Бесчисленные вопросы посыпались на него со всех сторон; но он ничего не слушал, никому не отвечал. Потом быстро вскочил он, схватил за руку дядю и увлек его на другой конец залы, чтобы изъясниться наедине. Все шепотом и знаками выражали свое изумление, не спуская глаз с молодого человека. Он говорил тихо, но с жаром. Полковник слушал, внимательно, но недоверчиво; скоро, однако ж, улыбка сомнения слетела с его лица, – оно померкло постепенно и, наконец, побледнело как полотно... Безмолвно стояли они потом, глядя друг на друга, в течение нескольких минут. Наконец полковник угрюмо сжал руку племянника, опоясал саблю, засветил маленький фонарик свой, и оба вышли вон, не удостоив ни словом, ни даже поклоном собрание.

– Они пошли на кладбище, – сказал таинственный человек, прильнувши к окну, – я вижу свет их фонаря, он мелькает вдали, подобно блуждающему огоньку над болотом.

– Это странно! – произнесли многие в один голос.

– Это удивительно! – сказал гвардейский капитан. – Я всегда знал полковника за человека, не верующего ни в какие сказки, а теперь, судя по его лицу и поступкам, он разделил испуг своего племянника, которому почудилось что-нибудь сверхъестественное.

– Заметили ли вы, – прибавил артиллерист, – что на плаще его виден отпечаток пяти пыльных перстов?

– Если б их было шесть, это было бы немного поудивительнее, – возразил гвардеец. – Что мудреного? Молодой человек споткнулся, оперся о пыльную могилу рукою и, поправляя плащ, отпечатал ее на мокром сукне.

– Гм, гм! – произнес сомнительно артиллерист, – но направление этой кисти не могло естественным образом принадлежать владельцу плаща: оно было вовсе наизворот.

Гвардеец молчал.

– Я вам говорил, – произнес тогда с торжествующим видом человек в зеленом сюртуке, – что в истории венгерца есть вещи, о которых, по словам Шекспира, и во сне не грезила ваша философия. Я должен прибавить вам, что ровно год тому назад, в этот самый час, его не стало. И что бы вы сказали, капитан, если б тень его, оставя прах могилы, встретила вас на кладбище в такую ночь?

– Я бы сказал, что это сущие басни, – отвечал капитан. – Как могут жители того света возвращаться на землю, когда все их органы истлели? Как могут они ходить, говорить, иметь вид человеческий?

– Я не отвергаю, чего не постигаю, – сказал артиллерист.

– А я так верю всему, чего не понимаю, – простодушно признался рязанский толстяк.

– Не боюсь, хотя и не понимаю! – грозно воскликнул усатый кавалерист.

– Не боюсь пи черта в человеческом образе, ни людей, начиненных всякою чертовщиною.

– Это можно испытать, – хладнокровно возразил таинственный человек. – В дальнем углу кладбища, направо, я видел сегодня мертвую голову, конечно вымытую дождем или выкопанную волками; тот, кто всех из нас бесстрашнее, пойдет и принесет этот череп сюда.

– Я готов! – сказал драгунский капитан и наклонился вперед, как птица, которая хочет слететь; однако ж не тронулся с места.

– Я иду! – произнес еще решительнее гвардеец, оперся о ручки кресел, чтоб встать... и положил ногу на ногу.

– Я бы пошел очень охотно, если б погода была получше, – проговорил антикварий с готическим носом, – а то в слякоть и в дождь – слуга покорный. Хорошо, если б это было еще за черепом какого-нибудь героя древности, – а то, я думаю, за пустой головою кубанского казака или чахлого водолея из России.

– Ни для живых, ни для мертвых! – возгласил толстяк, поглядывая на донышко стакана, как будто это мудрое изречение написано было на нем заглавными литерами. – Гей, малый! донского – полынкового.

– Эй, шампанского! – вскричал гвардеец, желая смыть и след прежнего разговора струями Эперне¹³. – Как можно, сосед, так много пить донского? Оно очень землисто.

– Родимая земля, родимая земля, – возразил толстяк помещик, разливая в стаканы благодатную влагу, и в это время он точь-в-точь похож был на погребковую вывеску, на которой Бахус, оседлав бочку, распенивает вино в кубки.

Но человек в зеленом сюртуке не дал им так дешево отделаться от испытания храбрости.

– Итак, никто не хочет идти за мертвою головою? – спросил он укорительным голосом и вместе с лукавою гримасою.

– Сам не хожу и других не прошу, – отвечал рязанский помещик. – Куда будет весело, если мертвецу вздумается пожаловать к нам за своею головою.

¹³ ...струями Эперне. – Эперне – местность и городок во Франции, центр производства шампанских вин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.